

Чу Минчжан за всё время не написал в общий чат ни единого слова, если не считать рассылки домашних заданий. Никто и подумать не мог, что он вдруг объявится. Ли Чжи смотрел на эти два слова, и в голове у него мутилось.

Наверху экрана одно за другим всплывали сообщения от Гун Цзе, но Ли Чжи на них не смотрел. Дрожащими пальцами он ткнул на аватарку Чу Минчжана. Выяснилось, что ник того тоже состоит из одной буквы — «z», разве что у Ли Чжи она была строчной, а у Минчжана — заглавной. «Z».

Вместо ленты публикаций — пустая серая полоса. Ожидаемо, конечно, но Ли Чжи всё равно укололо разочарование.

На аватарке красовался котёнок — невероятно, поразительно уродливый. Шёрстка у него была грязно-чёрной, всклокоченной, торчащей во все стороны. Однако забавный прищур придавал этой нелепой мордочке наглый, даже пижонский вид. От нечего делать Ли Чжи принялся увеличивать и уменьшать картинку, разглядывая её так и сяк, пока это нехитрое развлечение не прервал внезапный звонок.

На экране высветилось имя: Чжоу Баюй.

Ли Чжи торопливо нажал на кнопку приема.

—... Брат?

— Отец дома? — донёсся из трубки полуживой голос Баюя, утопающий в грохоте оглушительной клубной музыки.

Ли Чжи поспешно убавил громкость.

— Ты где-то отдыхаешь?

— Бля, а по звукам не ясно? Стал бы я тебе просто так звонить, — раздражённо огрызнулся Баюй. — Так дома он или нет? Сука, ну я и накидался...

— Нет его, нет... — тихо ответил Ли Чжи. — Ты... не пей так много.

— Тебя забыл спросить! Ты мне кто вообще? — Чжоу Баюй уже собирался сбросить вызов, но, видимо, заметил кого-то рядом и пьяно хмыкнул: — Слышь, угадай, с кем я тут зависаю?

— Без понятия, — Ли Чжи искренне не понимал, к чему этот вопрос. У его сводного брата всегда была целая орава собутельников.

— С Ван Кайсюанем, из твоего класса, — заплетаясь языком, ухмыльнулся Баюй. — Ты, приبلуда мелкая, совсем страх потерял? Подцепил девку, которую он окучивал? Ну ты даёшь... Только радоваться тебе недолго осталось. Этот придурок сейчас нажрался и орёт на весь кабак, что закопает тебя.

— Ладно, так и быть, сделаю доброе дело за то, что предупредил насчёт отца. Слушай сюда: этот урод Ван — злобная, мелочная сука. Если он на тебя зуб заточил, готовься. Мамаша твоя замучается труп твой опознавать.

— Баюй, ты там с кем завис? — на заднем фоне раздался недовольный голос Хань Цзыяо. — Будешь пить или где?

— Иду я, иду! Заказывай ещё! — крикнул Чжоу Баюй в сторону, а затем спросил: — Ну что, Чу Минчжан ответил? Приедет?

— Хрен там плавал, — Хань Цзыяо, судя по звуку, пренебрежительно фыркнул. — Вечно из себя святошу строит.

— Скукотища, — Чжоу Баюй со вздохом переменял позу. — Всё, я отключаюсь. Если старик приедет — сразу пиши!

Разговор оборвался. Ли Чжи медленно опустил руку. Экран смартфона погас, забирая с собой тусклый свет, а в ушах всё ещё звенели пьяные угрозы брата. В одно мгновение из него словно выкачали все силы. Тяжесть легла на плечи, проникая глубоко под кожу, отравляя и тело, и саму душу.

Отросшие волосы уже лезли в глаза. Ли Чжи давно собирался сходить в парикмахерскую, но сейчас одна мысль об этом вызвала глухую, непреодолимую усталость. Он не мог заставить себя даже подняться с постели. На прикроватной тумбочке белел пузырёк с таблетками, но у него не хватало сил даже протянуть руку.

«Пусть всё катится к чертям, — отрешённо подумал он. — Плевать. Живой я буду или мёртвый — какая разница».

Эту строчку Ли Чжи позже запишет в свой дневник.

Конец каникул

За все праздники Ли Чжи так ни разу и не увидел мать. Ван Сяочунь крутилась как белка в колесе, у неё не находилось и свободной минуты, чтобы черкнуть сыну хотя бы пару слов. Поговаривали, будто она, стремясь соответствовать Чжоу Госюну на деловых встречах по

внешней торговле, наняла репетитора и всю зубрила иностранный язык. Усердие, которого от неё никто не ожидал.

Разумеется, новость дошла и до Чжоу Баюя. Тот устроил грандиозный скандал. Позвонив отцу, он привычно обложил мачеху трёхэтажным матом, помянув всех её предков до десятого колена, после чего перешёл к сути:

— Эта сука крашенная совсем берега попутала? Она себя школьницей возомнила? Языки она учит, тварь! Да чтоб она сдохла!

Чжоу Госюн в ответ рассвирепел и отчитал сына, заявив, что у того нет ни стыда ни совести, а все потраченные на его обучение миллионы пошли псу под хвост. Баюй от таких слов окончательно слетел с катушек:

— От моей учёбы ему толку нет! Зато твоя подстилка, смотрю, больно умная стала! Смотри, старик, оберёт она тебя до нитки, замучаешься локти кусать!

— Не твоего ума дело! — громыхнул в трубке зычный голос Госюна. — И не думай, будто я не знаю, чем ты занимаешься, пока меня нет дома! Шляешься целыми днями с этим паршивцем Хань, только дурь в голову лезет! Почему ты не можешь брать пример с Чу Минчжана? Тот хотя бы...

Баюй с перекошенным от злости лицом швырнул трубку. На самом деле обо всех его похождениях отцу докладывал дворецкий, но парень и не догадывался об этом. Он решил, что это Ли Чжи опять распустил язык. Вся ярость, весь яд от родительской нотации мгновенно излились на беззащитного сводного брата.

Два хлёстких удара по лицу разрядили обстановку. Потешив душу чужой болью, Баюй с чувством выполненного долга сел в представительский лимузин и покатил на учёбу. Ли Чжи остался стоять в прихожей. Судорожно сжав лямки рюкзака, он из последних сил сглотнул подступающие слёзы и с тяжёлым сердцем побрёл в школу.

Золотая неделя пролетела незаметно. В первый учебный день школа напоминала растревоженный улей: коридоры гудели, и на лицах учеников застыло одинаково унылое выражение. Руководство прекрасно понимало, что изнеженные отпрыски богатых семейств не горят желанием грызть гранит науки после каникул, поэтому расписание составили максимально щадящее. Занятия сократили, а всю вторую половину дня отвели под гольф на свежем воздухе.

Школьное поле для гольфа, конечно, уступало закрытым загородным клубам, но для тренировок золотой молодёжи подходило идеально. Ли Чжи переоделся в спортивное поло и обувь на шипованной подошве, аккуратно сложил форму и туфли в шкафчик со своим номером и нехотя поплёлся к выходу. Гольф, как и любой другой спорт, вызывал у него лишь тоску. Будь его воля, он бы лучше просидел все эти часы за партой, глядя в окно, чем позорился на глазах у одноклассников в игре, в которой не смыслил ровным счётом ничего. Все его сверстники с

детства держали в руках клюшки, он же не знал даже, как правильно встать в стойку.

Большую часть урока Ли Чжи благополучно просидел на скамейке в тени навеса у игрового поля. Когда это издевательство наконец подошло к концу, он, сонный и разбитый, вернулся на гольф-каре к раздевалкам. Наскоро ополоснувшись под душем, он натянул школьные брюки, накинул пиджак, надел носки и принялся обуваться...

— А-ах!

Резкая, пронзительная боль вонзилась в подошву, заставив каждую мышцу в его теле судорожно сжаться. Ли Чжи мгновенно побелел. Губы задрожали, перед глазами поплыли багровые круги. Ему показалось, что это бред, дурной сон, но реальность быстро отрезвила его.

Пол под ногами стремительно окрашивался в алый цвет. Ли Чжи, с трудом сдерживая крик, стянул туфлю и выдернул из стопы несколько канцелярских кнопок. Кровь толчками хлынула сквозь белую ткань носка, пачкая кафель.

— А... — голос сорвался на хрип.

Слёзы обожгли глаза. Руки ходили ходуном; он хотел выбросить окровавленные кнопки, но пальцы его не слушались. В этот момент зазвонил телефон. На экране высветилось имя Гун Цзе.

Через несколько секунд звонок прекратился, и посыпались сообщения:

«Личжи, ты где пропал? Репетиция оркестра вот-вот начнётся!»

«Мы же договаривались, что ты пойдёшь со мной, а потом я угощу тебя ужином. Забыл, что ли?»

Гун Цзе прождала его у входа ещё минут десять. Она уже сердилась и то и дело поглядывала на часы, когда из дверей раздевалки наконец показалась знакомая худая фигура.

— Личжи, ну сколько можно... — начала было она, но осеклась.

Ли Чжи шёл странно. Слишком странно — он сильно припадал на одну ногу. Всё её раздражение мгновенно улетучилось. Девушка бросилась к нему и подхватила под руку.

— Что с тобой? Тебе плохо?!

Ли Чжи промолчал. Он лишь медленно поднял руку и разжал кулак. На его ладони, тускло

поблескивая, лежали три окровавленные канцелярские кнопки.

У Гун Цзе внутри всё похолодело.

Учебный класс

— Ты вообще человек?! Каким же надо быть ублюдком, чтобы до такого додуматься?! Отец твой, великий директор, научил тебя совать кнопки в чужую обувь?! Если я тебе поперёк горла стою, ко мне и лезь! Думаешь, я тебя испугаюсь? Да кто ты такой вообще, Ван Кайсюань?!

— Гун Цзе, не надо... Пожалуйста, оставь его... — Ли Чжи, опустив голову, тщетно пытался удержать подругу за плечи.

Но у той глаза налились кровью. Она размахнулась и швырнула окровавленные кнопки прямо в лицо обидчику.

— Тварь конченная!

Ван Кайсюань испуганно отпрянул, уклоняясь от летящего металла. Оправившись от испуга, он процедил сквозь зубы:

— Стерва ненормальная...

— Да я тебя на месте придушу! — Гун Цзе трясло от ярости. Поверить только, среди бела дня этот подонок устраивает подобную гниль! — Тебе самому от себя не тошно, урод?!

Вообще-то Ван Кайсюань в этой школе считался только с тремя людьми: Чу Минчжаном, Хань Цзыяо и Чжоу Баюем. Его собственная семья была невероятно богата, а отец входил в совет директоров школы, так что на какую-то там Гун Цзе он плевать хотел. Но сейчас, глядя на её безумный взгляд, он невольно струсил. Отец девчонки, может, и не имел большого веса, но вот гонконгская ветвь её клана была силой, с которой приходилось считаться даже самым влиятельным шишкам. Одно дело — развлечься глупой шуткой, и совсем другое — когда эта приبلуда пустила кровь. Кайсюань уже начал немного жалеть о содеянном.

— Да ладно тебе... Обычная шутка же. Стоило так орать?

— Учительница Лю, я правда случайно, — тут же завел другую волынку Кайсюань, поворачиваясь к прибежавшей на шум классной руководительнице. — Честное слово. Ну, если надо, я лечение оплачу. Пусть любую сумму называет, мне не жалко.

Учительница Лю разрывалась на части. В этой элитной школе каждый ученик был наследником какого-нибудь могущественного семейства, и задеть кого-то означало лишиться работы. Но отец Ван Кайсюаня входил в совет директоров — он был её прямым начальством. Выбор был очевиден, да и статус самого Ли Чжи... мальчик без роду и племени, обычный приёмыш в чужом доме.

— Ну же, ребята, это ведь просто недоразумение, верно? — зашебетала учительница.

В её обязанности не входило преподавание; она была кем-то вроде штатной няньки при избалованных мажорах, приученной подтирать за ними грязь. За годы службы она в совершенстве овладела искусством бить по слабым местам. Пусть сейчас Гун Цзе рвёт и мечет, но ведь пострадал-то Ли Чжи. Если сам парень промолчит, то и девчонке придётся закрыть рот.

— Вы ведь одноклассники, к чему эти ссоры? Всякое бывает, главное — уметь прощать. Кайсюань уже извинился, пообещал всё компенсировать. Ли Чжи, давай забудем эту обиду, хорошо? Ты ведь не против?

Ли Чжи вскинул голову. Этот хрупкий, вечно притихший юноша сейчас выглядел так, словно внутри него что-то окончательно рухнуло. Его пальцы, судорожно сжимавшие рукав Гун Цзе, медленно разжались.

— Учительница Лю, — его голос дрожал от с трудом сдерживаемых слёз. — Что вы сейчас сказали?

— А?.. — растерялась женщина.

— Что вы... только что сказали?

— Ну... я имею в виду... — классная руководительница осеклась под его взглядом и беспомощно посмотрела на зачинщика: — Кайсюань, скажи ты...

— Да господи! — раздражённо цыкнул тот. — Сказал же: я нечаянно. Больше не буду. Твою мать, сколько тебе отвалить, чтоб ты заткнулся? Хватит уже драму стро... А-А-А-А-АХ, СУКА-А-А-А!!!

Дикий, истошный визг, похожий на предсмертный крик резанной свиньи, прокатился по классу. Физиономии обступивших их зевак мгновенно перекосились: кто-то застыл в немом ужасе, на чьих-то лицах промелькнуло злорадство. Сам же Ван Кайсюань скорчился, его лицо исказилось в такой жуткой, уродливой гримасе боли, будто на него плеснули кислотой. Он вылитый персонаж с картины Мунка «Крик».

— А-а-а-а-а!!! Жжёт! Больно-о-о-о! — завыл он на ультразвуке.

Он рывком развернулся, готовый растерзать того, кто посмел это сделать, но весь его гнев мгновенно испарился, едва он увидел стоявшего за спиной парня.

— Извини, я случайно, — ледяным тоном произнёс Чу Минчжан. Он небрежным жестом швырнул под ноги пустой металлический термос. Ошпаренный бок Кайсюаня дымился, а по полу растекалась горячая вода, испуская клубы белесого пара. — Больше не повторится.

<http://bllate.org/book/20441/2118923>